

- «ТЕАТР — ЖИЗНЬ МОЯ!»
- ДОМ МАДАМ ВИЗАРД
- ДИКТУЕТ ЗАКОН

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

ТРУДНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Ура! Каникулы! Елки, походы, поэзия, подарки — праздник. И, конечно, театр. На время каникул все театры становятся детскими. Все театры, кроме обычных вечерних спектаклей, дают два спектакля — детям. Только возбужденных школьников закружат в вихорь вояжеров у маршала, подведут к МАТА, «Сокровищница», «Сатиры».

Товарищ, смех, толкотня, судорожно пересчитывающий детей учитель. Все это сейчас ворвется в

театр, опрометью бросятся в гардероб, вскачь по лестнице — влетит в партер, в бельэтаж, на крыльцо, еще потолкнется, отыскав свое место, слегка подпрыгнет, выслышит, кому с кем сидеть, и...

Свет гаснет, и оглушительный шум в зале начинает стихать. Сейчас начнется чудо, начнется искусство театра, единственное искусство, которое всегда творится на глазах у публики и для нее. Единственное искусство, немислимое и не-

возможное без публики. Недаром же столько говорится о незримой, но столь необходимой связи актеров с залом...

Дети — благодарная публика! Конечно! Но все ли знают, что после каникул актеры получают несколько дней отпуска — и это в разгар сезона. Все ли знают, что дети для театра — трудная публика.

Именно об этом, о делах в театре, наш сегодняшний разговор на педагогическом семинаре.

У АКТЕРОВ есть неписанный закон: ближе шестого ряда не садись. Почему? Да потому, что коллеги, играющие спектакль, увидят знакомое лицо в партере, а это мешает. Выбивает из колеи.

Преследовая, четвертая стена всегда прозрачна в обе стороны. Мы видим актеров, они — нас.

...Чтобы спасти товарища, герой рисковал жизнью, и теперь, смертельно раненый, умирает на авансцене. В метре от него, в первом ряду партера, сидели три девочки лет 14. Они непрерывно ели конфеты, шушукались, смеялись.

В антракте я подошел к ним, представился. «Нравится ли спектакль?» — «О, да, очень!». Девочки уже считали, что у них берут интервью, уже воображали записку одноклассников и с энтузиазмом назвали свои имена, свой седьмой «Г», свою школу № 868. Интервью, однако, не состоялось. «Ничего вам не нравится», — грубо и, видимо, очень непедагогично сказал я, — вы же на сцену не смотрите, вы же только конфеты едите, болтаете, хихикаете и мешаете актерам».

Увы, таких историй немало. А то, что во время действия непрерывно брякают о пол номерки, звенит мелочь (видимо, идет подготовка к штурму буфета). А то, что не успевают закрыться занавес после первого акта, как водоворот, недавно бушевавший снаружи, с новой силой закручивается внутри театра: опрометью из зала, сблужа голову в буфет, снова давка, возбужденная толкотня. Кажется, будто без этого бутерброда и стакана «Саян» ребенок погибнет — с такой страстью штурмует он прилавок. А в финале все повторится еще раз: не дожидаясь конца спектакля, заглушая хлопанием стульев последние, быть может, самые важные реплики, трудный зритель мчит в гардероб.

НО, КОНЕЧНО, не все зрители такие.

— За последние 10—15 лет дети стали заметно культурней. Раньше проблемой было не дать им разнести театр. Теперь у нас проблемы иные. — Это говорят люди вполне компетентные, ибо они работают не в обычном театре, где дети бывают лишь в воскресенье утром да в каникулы, а в ЦДТ — Центральном детском театре. Им и карты в руки.

Проблема, которую решают сейчас в ЦДТ, — воспитание воспитателей. Так сформулировано, так и записано. Странным это может показаться лишь на первый взгляд. Вспомните, ведь и нашей задачей во всех предыдущих педагогических семинарах было не как заставить ребенка правильно себя вести, а как научить взрослых верно вести себя с ребенком. И «воспитание воспитателей» — это, конечно, основная задача: если вся роль учителя сводится к сопровождению в культурноходе, то какой же это учитель?

СЕЙЧАС все больше внимания уделяется эстетическому воспитанию, приобщению детей к духовным, культурным ценностям. Театр, этот сакральный вид искусства, включающий в себя и музыку, и живопись, и танец, и пение, и пантомиму, может дать детям колоссально много, если... вот этих «если» пока еще очень много.

Если культвоход, если в театр идут одноклассники, то они редко приходят в... театр. Они как бы оступают в школе, переходят из кабинета химии в кабинет спектакля. Вначале, что темнотой, кругом смех: Марьяна громким шепотом требует, чтоб Вася прекратил безобразничать, иначе — родителей; действие — урок, антракт — перемена, буфет — буфет... А где же храм искусства?

Все настойчивей педагоги ЦДТ, психологи, все, кто причастен к воспитанию, ратуют за «смешанный зал». «Смешанный зал» — это зал разновозрастный, точнее это родители с детьми. Один пример: сцена, где деревенские женщины читают письмо с фронта, сопровождалась громким смехом «культурного» зала. И та же сцена заставила зал плакать «смешанный» зал. Добавим, психологи считают, что сходить с ребенком в театр, соперничать с ним, растолковать что-то непонятное ненамеренно полезнее многочасовых душе-спасительных бесед.

А растолковать бывает просто необходимо, особенно если не тот возраст.

НА БИЛЕТАХ ЦДТ всегда точно указано, на какой возраст рассчитан спектакль. Это не бюрократизм — у каждого возраста свои понятия, свой уровень, и здесь опять вместо теории можно привести один пример. В спектакле для старшекласников есть острый момент, когда один из персонажей нагло говорит в ответ: «Сейчас-сейчас, вот только шушки поплаку». В напряженной тишине зала в правом углу неожиданный взрыв смеха. «Пятиклассники, — не

глядя, определяют присутствующий на спектакле педагог ЦДТ, — завтра в школе на все, что им ни скажут, они будут отвечать: «Ща, только шушки поплаку». Это почти все, что они в спектакле оценили. А учителя еще снажут о дурном влиянии театра».

Почему пятикласснику достались билеты с надписью «Для девятиклассных классов»? Потому что билеты в ЦДТ, МТЮЗ, вообще на детские спектакли продают театральные кассы и чаще всего через распространителей. Их задача — продать побыстрее. Отсюда и «не тот возраст», и то, что школьники центра бывают в театре куда чаще окраинных. Школьники-то поехали бы и из Беляева, и из Медведкова, да вот распространители туда ехать не хотят.

ГРУППА психологов работала в ЦДТ несколько лет, изучая особенности «трудного зрителя», которому мало иногда объяснить пьесу, спектакль, условности театра. Этому зрителю подчас нужно объяснить его самого. Психологи давали детям анкеты (анонимные, чтобы не стеснялись), и вот у меня в руках первая попавшаяся анкета. Она очень каверзная, хотя в ней всего два вопроса.

1. Что вам больше нравится в человеке:

- а) способность глубоко и самоотверженно любить, жертвовать ради любви всем, даже жизнью;
- б) способность отказываться от любви ради призвания, дела, цели;
- в) способность жить спокойно, разумно, рационально.

2. Подчеркните имена героев из этого списка, которые вам нравятся: Ромео, Анна Каренина, Базаров, Сирано де Вержерак, Андрей Волконский, Павел Корчагин, Наташа Ростова, Овод, Артур Грей, Любовь Яровая. А вместо подписи две графы: «пол» и «класс». Что же подчеркнул человек, чей пол, «женск», а класс «10-й». В первом пункте она начала подчеркивать «а», подчеркнула «способность глуп», остановилась, зачеркнула волнистой линией свое подчеркивание и подчеркнула «б». Но недаром анкету составляли психологи: в пункте втором подчеркнута Анна Каренина. Как объяснить человеку, чей пол «женск», а класс «10-й», что в способности глубоко и самоотверженно любить нет ничего плохого или стыдного и что стыдно как раз притворяться, что больше всего ценишь способность отказываться от любви ради дела... Всего два вопроса, но буквально видишь это семнадцатилетнее существо, которое мечется меж бурных чувств и «правильных ответов». Смешно? Но для семнадцати лет все это крайне серьезно, и, быть может, именно театр объяснит, какие дела и цели действительно можно поставить выше любви, да и смотря какой любви...

АКТИВИСТЫ, школьники, члены клуба искусств ЦДТ (коих, увы, всего 250) ищут на спектакли рецензии — иногда очень суровые.

Но чаще — рецензии положительные. Иногда наивные: «Когда я посмотрела эту прекрасную постановку, я была в восторге... И нельзя было не заплакать в некоторых моментах... И вообще я люблю ходить в театры». Иногда чувства овладевают юными любителями с такой силой, что среди сочинений на тему «Театр в моей жизни» наткнешься вдруг на произведение, озаглавленное «Театр — жизнь моя!».

Бывают, правда, и такие рецензии: «Дикая собака Динго» — это спектакль о девочке Таме, которая жила на Дальнем Востоке, и о ее семье, о ее друзьях. Это рассказ о настоящей и большой дружбе людей, здесь показаны горести, переживания и радости героев. Мы видим, как героиня этого рассказа впервые в своей жизни познает великое чувство любви, как она преодолевает жизненные трудности, учится крепкой и большой дружбе. Здесь раскрываются все человеческие чувства и качества. Это спектакль о наших сверстниках, и в нем тактично отражаются и наши переживания, он учит нас быть честными, сильными волей, дружными».

Это пишет ученица 7-го класса. Но автор Оля С. сама не выдерживает собственного академизма. Она хватается другой ручку и пишет красными чернилами всего одну фразу: «А вообще я в восторге от спектакля ЦДТ «Дикая собака Динго»!!!». И эти три красных восклицательных знака утешительно говорят о том, что театр одним махом пробился в душу ребенка куда глубже, чем правильные формулировки.

Чем закончить сегодняшний педагогический семинар? Сообщить, что театр воспитывает и учит? Попросить учителей не брать пятикласскам билеты на спектакли для старшекласников?

А может быть, просто написать:
ВОДИТЕ ДЕТЕЙ В ТЕАТР
А. МИКИН.